

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

История сталкера

Сергей Патрушев
История сталкера

«Автор»

2026

Патрушев С.

История сталкера / С. Патрушев — «Автор», 2026

У сталкера Артёма есть проклятый дар: артефакт «Сердце Зоны» отматывает время вспять каждый раз, когда погибает Анна - женщина, которую он поклялся защитить. Девять попыток. Девять смертей. Девять уроков, выжженных в памяти. Он пытался быть осторожным - она погибла из-за его беспечности. Пытался быть безжалостным - она погибла от страха перед ним. Прятал её, вооружал, передавал в чужие руки, вёл через Припять и подземелья «Агропрома» - Зона всегда забирала своё, чтобы разорвать петлю, Артёму придётся уничтожить источник аномалий в самом сердце саркофага, но цена победы окажется чудовищной: спасение одной жизни обернётся гибелью тысячи других. Вопрос не в том, сможет ли он выиграть, вопрос в том, останется ли он после этого человеком.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Железное сердце	5
Глава 2. Чужой среди своих	13
Глава 3. Мертвый груз	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Патрушев

История сталкера

Глава 1. Железное сердце

Смерть пахнет озоном и мокрым железом. Эту истину я усвоил позже, много позже, когда этот запах въелся в мою одежду, в кожу, в самую душу так глубоко, что никакая отмычка «Чистого неба», никакой спирт и никакие молитвы не смогли бы его вытравить. Он стал частью меня, как дыхание, как сердцебиение, как тот проклятый артефакт, что сейчас мирно покоился в нагрудном кармане моего старого, прожженного в нескольких местах комбинезона. Но в то утро всё было иначе. В то утро мир пах иначе. В то утро мир пах дешевым, пережженным до горечи кофе, кислым, выдохшимся пивом, пролитым на столы и пол сотнями сапог, и безграничной, пьянящей, головокружительной свободой, от которой у молодого дурака вроде меня сносило крышу напрочь.

Бар «100 рентген» гудел, как разбуженный улей, как единый живой организм, дышащий перегаром и надеждой. Под тяжелыми бетонными сводами бывшего заводского убежища, переоборудованного в последний оплот цивилизации перед Большой землей, клубился сизый, слоистый сигаретный дым. Он смешивался с паром от чьего-то варева, булькающего на допотопной электроплитке в углу, с тяжелым духом немых тел, с едкой химической вонью оружейной смазки и с тонким, едва уловимым ароматом страха, который источали новички, создавая тот уникальный, неповторимый, ни с чем не сравнимый аромат, который сталкеры с горькой иронией называли «духом свободы». Здесь, за этими обитыми железом дверями, не действовали законы Большой земли. Здесь ценность человека измерялась не толщиной его бумажника и не записями в трудовой книжке, а количеством ходок, шрамов на теле и весом артефактов, вынесенных из самых гиблых мест.

Я сидел за нашим обычным столом — грубо сколоченным куском многослойной фанеры, испещренным сотнями, если не тысячами, ножевых отметин, глубоких царапин от пуль и выжженными сигаретами инициалами мертвецов. Этот стол был немым свидетелем бесчисленных сделок, пьяных исповедей, траурных молчаний и редких, искренних взрывов хохота. И сейчас я чувствовал себя королем этого гребаного, больного, смертельно опасного, но такого манящего мира. Артём. Мне было двадцать три. Всего два года в Зоне, а за спиной уже шептались, величая везунчиком, баловнем судьбы. И я верил в это. Свято, истово, по-идиотски верил в свою исключительность.

У меня был свой, тщательно замаскированный тайник на Кордоне, в полусгнившем дупле старого дуба, разорванного ударом молнии, где лежал добротный, ухоженный «Винторез» с полным боекомплектом, добытый мною в честном, хоть и не совсем законном споре с одним наемником. На счету у бармена, вечно хмурого и циничного Бороды, скопилась сумма, достаточная, чтобы месяц, а то и два, беспробудно пить, не заглядывая в карман и не задумываясь о завтрашнем дне. И главное — у меня был план. План, от которого у любого бывалого, битого жизнью бродяги, чьи глаза давно выцвели до цвета пасмурного неба от пережитого, свело бы скулы от возмущения и неверия. Я собирался провести через аномалию «Трамплин» девушку. И не просто девушку, а Анну. Журналистку с Большой земли. В самую сердцевину Зоны, в место, куда боялись соваться даже матерые одиночки.

Она сидела напротив, нервно помешивая ложечкой давно остывший, превратившийся в мутную бурду кофе. Даже в этом мешковатом, явно с чужого плеча комбинезоне «Заря», который был ей на два размера велик, она умудрялась выглядеть так, словно сошла с обложки довоенного глянцевого журнала, случайно забытого кем-то в развалинах. Светлые, густые волосы,

собранные в тугой, но уже слегка растрепавшийся хвост, открывали высокий, чистый лоб и тонкую, незащитную шею с голубой ниточкой вены. В огромных, немного испуганных, но горящих исследовательским азартом и жадой истины серых глазах отражался тусклый, дрожащий свет барной лампы под зеленым жестяным абажуром. В этих глазах был целый мир, мир, полный идеалов, романтики и веры в то, что правду можно отыскать, записать на диктофон и показать людям.

Анна, Аня, Анечка — она приехала сюда за сенсацией, за историей, которая перевернет её карьеру, а нашла меня. Вернее, я нашел ее сам, когда она в панике, потеряв сопровождающего гида, отбивалась от стаи слепых псов у полуразрушенного блокпоста военных. Я тогда появился эффектно, словно герой дешевого боевика: пара точных выстрелов, клубы пыли, предсмертный визг мутантов. Классика. Эффектное спасение, пара ледящих душу бак, рассказанных под хороший коньяк в этом самом баре, когда мои глаза горели отвагой, а её — восхищением, — и она уже смотрела на меня как на Мессию, явившегося прямиком из радиоактивного пепла, чтобы показать ей истинное лицо Зоны. Мне это льстило. Неимоверно, до дрожи в коленях льстило. Я купался в её восхищении, как в лучах редкого здесь солнца.

— Артём, ты уверен? — спросила она в который раз, и её голос, мелодичный и чистый, едва заметно дрогнул, выдав внутреннее напряжение. Ложечка звякнула о край кружки. — Синоптики с Большой земли передавали, что сегодня ветер меняется на северный, атмосферное давление скачет. Может пойти внеплановый Выброс... Я читала, это очень опасно. Может, отложим? Дождемся «зеленого» коридора?

— Анечка, — я лениво, растягивая удовольствие, словно дорогую ириску, улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой, как я знал по опыту, у нее слабели колени и перехватывало дыхание. Я видел это по тому, как розовели кончики её ушей. — Ты хочешь увидеть Полянный завод или нет? Реальный, легендарный, где каждый метр выщербленного бетона, каждый ржавый болт пропитан кровью, тайнами и непролитым светом науки? Где, говорят, по ночам до сих пор слышен стук печатных машинок и шаги покойных инженеров? Или ты предпочитаешь трусливо вернуться на свою студию и всю оставшуюся жизнь монтировать сюжеты о надоях молока в колхозах и открытии новых детских садов?

Я знал, на что давить. Бил без промаха. Жажда подлинности, жажда прикоснуться к запретному, разгадать тайну, которую не смог разгадать никто до нее, горела в ней ярче любого сигнального маяка, ярче самой Зоны. Это был азарт, сродни моему, только у меня он был грубым, нацеленным на выживание и наживу, а у нее — возвышенным, почти научным. Полянный завод был моим главным, неотразимым козырем. Старый, заброшенный еще до Второй аварии гигантский промышленный комплекс, место, где, по слухам, велись секретные разработки, связанные с психотропным оружием и изучением пространственно-временных континуумов, и куда боялись соваться даже матерые, просоленные Зоной наемники из «Долга». Почти никто не знал безопасного прохода. Почти. Я знал. Потому что нашел его случайно, в панике удирая от разъяренного псевдогиганта, и с тех пор путь через «Трамплин» был моей личной, тщательно оберегаемой, бесценной золотой жилой. И вот теперь я, щедрый, самовлюбленный идиот, собирался поделиться этим сокровищем с девушкой, чтобы просто произвести на нее впечатление. Чтобы она ахнула и сказала: «Артём, ты невероятный!».

— Ладно, — выдохнула она, сжав алюминиевую кружку так, что побелели костяшки тонких пальцев. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на обреченность, но она быстро подавила это чувство. — Я с тобой. Только обещай мне, Артём... обещай, что не будешь геройствовать. Пожалуйста. Я не хочу стать причиной твоей глупой смерти.

— Я? Геройствовать? — я театрально, как плохой актер в провинциальном театре, прижал руку к сердцу, туда, где под тканью комбинезона скрывался артефакт. Он был теплым, почти горячим. — Мой девиз по жизни: «Тише едешь — целее будешь, а сталкерская удача — удел осторожных». Я тебя проведу, как по Невскому проспекту. Покажу завод, ты сделаешь

пару эксклюзивных снимков, возьмешь пробу воздуха для своего репортажа, и мы вернемся обратно. К ужину. Как на прогулку в парке аттракционов. Зона, Анечка, любит тех, кто уважает её правила.

Боже, каким же самоуверенным, ослепленным гордыней придурком я был. Зона действительно любит осторожных. Она их уважает. Она их, скрепя сердце, иногда даже отпускает. А беспечных, наглых юнцов, возомнивших себя богами, идущих на поводу у собственного либидо и тщеславия — она пожирает. Пожирает с костями, с мясом, с душой, даже не поперхнувшись, перемалывая их в пыль, которой потом ветер развеивает над Мертвым городом. И при этом она еще и посмеивается. Легким таким, едва слышным шелестом травы на радиоактивных холмах.

Мы вышли из прокуренного сумрака и безопасного тепла бара в стылое, серое утро Зоны. Мир сжался, стал монохромным, лишенным красок. Низкое, тяжелое небо, затянутое вечной, непроницаемой пеленой рваных свинцовых облаков, давило к земле, словно бетонная плита. Воздух был неподвижен, но в нем висела тонкая, раздражающая взвесь микроскопической пыли, от которой першило в горле и хотелось постоянно откашливаться. Обычный сталкер, покидая относительную безопасность периметра, весь подбирается, превращаясь в сгусток нервов и рефлексов. Его взгляд цепляется за каждую деталь, уши улавливают малейший подозрительный шорох, он всем своим существом сканирует пространство. Каждый шаг выверен, каждый камень под ногой проанализирован на предмет скрытой аномалии. Это инстинкт, выработанный месяцами и годами смертельных прогулок. Я же шел вразвалочку, словно на воскресный пикник за городом. ПДА на моем поясе ритмично попискивал, отмечая радиационный фон в допустимой зеленой зоне, датчик аномалий лениво помалкивал, потому что реагировал только на мощные поля. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался знакомый до каждого куста Кордон — относительно спокойная, новичковая локация, исхоженная вдоль и поперек тысячами сталкерских сапог.

Аня шла рядом, стараясь не отставать, и я, вместо того чтобы уткнуться взглядом в тропу, выискивая «жадин» или «комариные плеши», наслаждался её близостью. Я чувствовал тепло её плеча, почти касавшегося моего, слышал её прерывистое дыхание и видел пар, вырывающийся из её губ. Я рассказывал ей о заводе. Ярко, в красках, расписывал мрачное величие мертвых цехов, застывшие на ржавых, проросших травой рельсах составы с полуистлевшими грузами, гигантские прессы, способные превратить многотонный лист броневой стали в фольгу, и ту особенную, звенящую, почти мистическую тишину, которая царит в пустых ангарах и давит на барабанные перепонки. Я искусно приправлял свой рассказ жутковатыми легендами о призраках инженеров, до сих пор пытающихся завершить свои проекты, и невиданных, уникальных артефактах, якобы зреющих в недрах заводских коммуникаций, в абсолютной темноте, под воздействием неизвестных полей. Я сыпал названиями: «Выжигатель мозгов», «Компас», «Золотая рыбка»... Её глаза разгорались все ярче, страх уступал место жадному любопытству. Это была музыка для моих ушей, лучше любого блюза, что наигрывал пьяный гитарист в баре.

— Представляешь, мы пробираемся в главный административный корпус, — вещал я, перепрыгивая через проржавевшую, скрученную штопором трубу теплотрассы, — и я, словно фокусник, показываю тебе кабинет директора. Огромный, монументальный стол красного дерева, чудом не тронутый мародерами, на стене — выцветшая, но все еще внушающая трепет карта завода, вся в дырах от времени и сырости, а в массивном чугунном сейфе... Кто знает, что в том сейфе? Может, пожелтевшие ключи от всех дверей города, а может, протоколы экспериментов, которые перевернут представление современной науки о природе Зоны! Мы можем стать знаменитыми!

— А что за проход? Почему обязательно через «Трамплин»? — спросила она, поправляя сползающую лямку легкого походного рюкзака. — Я смотрела спутниковые карты, там вроде

есть старая железнодорожная ветка, ведущая к грузовым воротам. Разве нет других, более безопасных путей?

— Другие пути? — я снисходительно, с оттенком превосходства усмехнулся. — Конечно, есть. Например, через главные ворота, где тебя радостно, с распростертыми объятиями встретит местная фауна, уже изрядно проголодавшаяся и мутировавшая до состояния ходячего кошмара. Или через болотный разлом, где ты полдня будешь по колено в радиоактивной жиже обходить «жарки», способные поджарить тебя заживо, а к вечеру будешь молить всех святых, чтобы не наступить на прозрачный, незаметный «ведьмин студень», разъедающий плоть до костей. Нет, мой путь — он идеален, он гениален в своей простоте. «Трамплин» — это не просто аномалия, это гениальное, хоть и смертоносное, творение Зоны. Серия гравитационных полей, выстроенных почти в идеальную, просчитываемую математически цепочку. Опасная штука, если не знать ключа, кода, последовательности шагов. Но я-то его знаю! Я его вычислил, прочувствовал. Там главное — идти строго по моим следам, шаг в шаг, носок в пятку, и не реагировать на внешние раздражители. Ни миллиметра в сторону. Если собьешься — тебя размажет. Поняла? Как в танце. Смертельном танце. Шаг в шаг.

— Поняла, — твердо кивнула она, и в её голосе мне почудилась тень глубокой, экзистенциальной тревоги, которую я поспешно, с облегчением списал на обычный мандраж новичка, впервые оказавшегося за пределами безопасной зоны.

Мы подошли к «Трамплину». Внешне это место выглядело до отвращения, до слёз невинно: небольшая, потрескавшаяся асфальтовая площадка перед старым, облупившимся КПП, ведущим на закрытую, огороженную колючей проволокой территорию завода. Покосившаяся, проржавевшая будка охранника с разбитым окном, похожим на пустую глазницу. Ржавый шлагбаум, навечно застывший в приподнятом, приглашающем положении, словно говорящий: «Входи, не бойся». Пасторальная идиллия, нарисованная сумасшедшим художником. Но мой детектор, когда я поднес его поближе к невидимой границе, разразился истеричным, захлебывающимся треском, захлебнулся на самой высокой ноте, а воздух впереди, метрах в трех от нас, едва заметно подрагивал, струился, как над раскаленным асфальтом в летний полуденный зной. Моя кожа, выработавшая за эти годы привычку к аномальному излучению, ощутила знакомое, противное покалывание сотен микроскопических иголок.

— Ну вот, смотри, — сказал я, присаживаясь на корточки и извлекая из поясного под-сумка горсть старых, ржавых гаек. — Сейчас, Анечка, будет настоящая магия. Физика, сошедшая с ума.

Я бросил первую гайку. Она полетела по прямой, по всем законам физики, но в паре метров от нас, там, где воздух казался девственно чистым и пустым, она вдруг резко, с тихим свистом, взмыла вертикально вверх, словно подхваченная невидимой могучей рукой, и с отвратительным, чавкающим звуком врезалась в незримый «потолок», расплющившись в тонкий блин. Аня ахнула, инстинктивно отшатнувшись назад и схватив меня за плечо. Её пальцы были ледяными.

— Это первая «ступень», — прокомментировал я нарочито спокойным, менторским тоном экскурсовода. — Вертикальный разрыв. Локальный вектор силы тяжести, направленный вверх. Если туда попасть человеку — улетишь в стратосферу за долю секунды, а потом, через минуту-другую, когда поле отпустит, шмякнешься обратно на асфальт. Мокрое место. Теперь смотри внимательно, что будет, если знать геометрию этого поля, знать, куда бросать.

Я взял другую гайку, на секунду зажал ее в кулаке, словно передавая ей свои знания, и швырнул ее навесом, почти под углом в сорок пять градусов, целясь в совершенно непримечательную, забитую серой пылью трещину в асфальте. Гайка, словно живая, вопреки всем законам классической физики, описала крутую, грациозную дугу, плавно обогнула смертоносный участок, где расплющилась первая, и тихо, с мягким стуком упала на землю метрах в десяти от нас. Путь был чист.

— Фокус в том, что здесь аномалии сгруппированы не хаотично, — объяснял я, наслаждаясь её расширенными от изумления зрачками. — Они, словно испорченные линзы, образуют что-то вроде изогнутого, дрожащего коридора, где стены — это зоны с дикой, меняющейся гравитацией. Нужно просто очень точно знать изгибы этого коридора, его траекторию. Запомнила ориентир? Трещина, потом вот тот желтый, полуразрушенный обломок кирпича, и дальше — кусок толстой арматуры, торчащий из земли под углом, похожий на крюк для разделки туш. От нее — шаг влево. И ты в безопасности.

Я поднялся, отряхнул колени от налипшей ржавчины и повернулся к ней. Сердце билось ровно, сильно и уверенно, разгоняя по венам кровь, смешанную с адреналином. Я чувствовал себя всемогущим, властелином стихий, хозяином Зоны. Сейчас, на глазах у этой невероятной, испуганной, но полной решимости девушки, я пройду сквозь смертельную ловушку с легкостью и грацией циркового гимнаста, идущего по канату над пропастью. Я был Пигмалионом, ведущим свою Галатею.

— Идем. След в след. И главное правило — не спеши. Зона, Анечка, суеты не любит. Она любит плавные, выверенные движения. И не смотри по сторонам. Смотри только мне в спину.

Я шагнул первым. Нога привычно, на автомате, нашла верную точку опоры на холодном асфальте, чуть левее знакомой трещины. Покалывание на коже усилилось, превратилось в мерзкое, всепроникающее ощущение, будто на каждый участок моего тела давят сотни крошечных, невидимых пальцев, пытаясь сдвинуть с правильной траектории, утянуть за край, в пустоту, но я знал, что пока я в коридоре, пока я следую рисунку танца, реальной опасности нет. За спиной слышались осторожные, неуверенные шаги Анны. Она дышала часто и прерывисто, но шла точно за мной, не сбиваясь. Умница.

— Артём, у меня такое чувство, будто на меня что-то давит со всех сторон одновременно, — прошептала она. Голос её дрожал, но она держалась. — Как будто воздух сгустился и стал твердым.

— Это нормально, — отозвался я, не оборачиваясь. — Побочный эффект гравитационной аномалии. Искажение пространства. Идем, не останавливаясь. Сейчас начнется самое интересное. Вон там, видишь, в просвете между двумя ржавыми остовами грузовиков — сейчас будет виден завод. Уже видны его трубы. Чудовищная, мрачная красота. Правда?

Я, идиот, увлекся. Я, ослепленный собственной гордыней, любовался не смертоносной, искаженной красотой аномального поля, требовавшего моего полного, абсолютного внимания, а открывавшимся видом. Из-за ржавых, развороченных взрывами остовов машин, навсегда брошенных у проходной, словно памятники катастрофе, уже были видны гигантские, уходящие в низкое серое небо кирпичные трубы Полянного завода. Они были похожи на колонны разрушенного храма, и мое сердце забилось быстрее от сладкого, тщеславного предвкушения. Я уже представлял, как буду водить Анну по пустым, гулким цехам, как она будет смотреть на меня с немым обожанием и благоговением, как вечером, у жаркого костра, она прижмется ко мне, ища защиты, и я стану для нее героем, главным героем её самого лучшего, самого опасного приключения...

— Артём! — её голос вдруг сорвался на пронзительный, животный визг, полный первобытного ужаса.

Я резко, всем корпусом обернулся, рефлекторно сжав цевье автомата до хруста в суставах, но выстрелить было не в кого. Враг был невидим. Анна стояла на месте, замерев белой статуей, её лицо стало цвета мела, а расширенные, почти черные от ужаса зрачки смотрели не на меня, а куда-то вниз, под ноги. Я опустил взгляд, и время остановилось. Мир сузился до крошечной лужицы, чтобы через мгновение взорваться болью.

Прямо у самого носка её стандартного армейского ботинка, в небольшом углублении выщербленного асфальта, заполненном мутной ржавой водой, играла и переливалась тонкая, маслянистая, радужная пленка. Бензиновая? Нет. Пленка была слишком густой, вязкой, она

переливалась всеми цветами спектра неестественно ярко, болезненно для глаз, и от нее исходило то самое ощущение концентрированного давления, только в десятки, в сотни раз сильнее, сфокусированное в одной точке пространства. «Комариный плеш». Безобидное, почти ласковое название для смертельного капкана. Микро-аномалия, спонтанная гравитационная линза размером с чайное блюдце, образовавшаяся, скорее всего, за ночь. Она была настолько мала, настолько ничтожна по мощности в режиме покоя, что мой датчик ее просто не идентифицировал, а я, увлеченный своим красноречием и игрой на публику, просто не заметил ее за слоем ржавчины и грязи. Это была даже не ловушка, это была насмешка. Злая, издевательская шутка Зоны над моей самоуверенностью. Банальная, нелепая, оскорбительная случайность, которая не прощает.

— Не двигайся! — заорал я, срывая голос, и сделал отчаянный шаг к ней, но время уже разорвалось на «до» и «после».

Она инстинктивно, как любой нормальный, не испорченный Зоной человек, попыталась отшатнуться от подозрительной, неестественно красивой лужи. Её правая нога сместилась всего на несколько чертовых сантиметров, уйдя с безопасной траектории в зону действия поля. Этого хватило. Этого оказалось достаточно. Воздух вокруг ее изящной лодыжки сгустился, пошел хорошо заметной рябью, и раздался звук, который я не забуду никогда. Звук, который будет преследовать меня в кошмарах. Влажный, смачный, тошнотворный хруст, похожий на звук ломающегося в руках жестокого великана пучка сырых, наполненных соком веток. Гравитационное поле «плеши», потревоженное её движением, схлопнулось мгновенно, за долю секунды, с чудовищной, избирательной силой притянув к себе ближайшую органическую материю. Её стопу и голень до колена. Кости, мышцы, сухожилия — всё в один миг превратилось в бесформенное месиво, зажатое в невидимых тисках.

Аня даже не успела закричать. Она лишь коротко, удивленно, почти беззвучно выдохнула, и этот выдох был страшнее любого крика, и начала заваливаться назад, теряя равновесие. Но падение в «Трамплине» — это не просто падение, это смертный приговор, подпись под приговором, подпись кровью. Сместившись с безопасной траектории, она всем своим телом, раскинув руки, вошла в зону действия основной, большой аномалии. Той самой, которую я так красиво и самодовольно демонстрировал ей гайкой.

Я видел это. Видел каждую деталь, каждое мгновение этого кошмара, растянувшегося для меня в бесконечность. Видел, как её тело вдруг стало невесомым, как пушинка, и взмыло в воздух, словно тряпичная кукла, подвешенная на невидимых нитях. На мгновение, на одно бесконечно долгое мгновение, она зависла в метре над землей, раскинув руки, словно пытаясь обнять небо, и её распустившиеся светлые волосы разметались золотым сияющим ореолом вокруг бледного, мраморного лица. В её всё еще живых, не успевших потухнуть, серых глазах застыла не боль и не страх, а безмерное, чистое, детское удивление. Удивление от того, что мир так жесток. А затем невидимый, безжалостный пресс, которому было плевать на красоту и молодость, ударил сверху.

Удар был такой чудовищной силы, что брызги горячей крови долетели до меня, обожгли лицо мелкими, солеными каплями. Тело Анны, мгновенно лишившееся всей костной структуры, превратилось в бесформенный, влажно хрустнувший, осевший мешок, который с глухим, окончательным стуком рухнул на грязный асфальт в той самой точке, куда минутой ранее упала моя демонстрационная гайка. Звук падения был глухим, плотным и необратимым, как звук забиваемой в крышку гроба последней горсти земли.

Тишина. Звонящая, оглушительная, абсолютная тишина, нарушаемая только моим прерывистым, похожим на вой раненого зверя, дыханием. Я стоял, парализованный ужасом, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд, и смотрел на то, что секунду назад было Анной. Человеком. Живой, красивой, смелой, полной надежд и планов девушкой. Её комбинезон «Заря» лопнул по швам от нечеловеческого давления, обнажая месиво из плоти и оскол-

ков раздробленных костей. Светлые волосы, предмет моего глупого обожания, слиплись, пропитались темной венозной кровью и стали бурыми, похожими на паклю. Запах озона, всегда сопровождающий гравитационные аномалии, стал невыносимо резким, и к нему примешался тошнотворный, сладковатый, ни с чем не сравнимый запах свежей, только что прерванной человеческой жизни.

Я не мог отвести взгляд. Я был прикован к этому месту ужасом и чувством вины такой силы, что она раздавливала меня, словно я сам попал в ту аномалию. И вдруг я заметил это. Прямо из центра этого кошмара, из того, что мгновение назад было её грудной клеткой, из-под моей одежды, исходило слабое, пульсирующее, багровое сияние. Мой артефакт. «Сердце Зоны». Я нашел его месяц назад на дне высохшего, затянутого тиной фонтана в Припяти, и никому не показывал, чувствуя нутром, животным чутьем, что эта вещь особенная, что она не для продажи. Он лежал в нагрудном кармане моего бронекастюма, у самого сердца, и сейчас он пульсировал, как второе, бешеное сердце, в унисон с моим собственным, которое колотилось где-то в горле, мешая дышать. Жар от артефакта нарастал, прожег слой ткани, впился в кожу, словно раскаленное клеймо, и меня ударило током. Нет, не током. Это была чистая, концентрированная информация, пережигающая нейроны. Боль была невыносимой, запредельной, она заполнила каждую клетку моего тела, вытесняя все мысли, все чувства, всю мою личность. Я открыл рот, чтобы закричать, но крика не получилось. Мир вокруг меня схлопнулся в одну точку. Багровую, пульсирующую точку абсолютной боли и небытия.

А затем наступила тьма. Не пугающая, а обволакивающая. Тьма-спасительница.

Я пришел в себя от звука чужого, надсадного, грудного кашля, похожего на лай. Запах озона и крови исчез, словно его и не было. Вместо него в ноздри ударил до боли знакомый, густой, почти осязаемый запах дешевого, пережженного до горечи кофе, кислого, выдохшегося пива и табачного дыма. Знакомый гул голосов, спорящих о ценах на артефакты. Тепло от раскаленной буржуйки в углу. Я резко, с хрипом распахнул глаза и увидел перед собой все ту же исцарапанную, липкую от пива фанерную столешницу. Мои руки лежали на столе, сжимая пустую алюминиевую кружку. Сердце пропустило удар, остановилось, а затем забилось с утренней силой, пытаюсь вырваться из грудной клетки. Я судорожно, со свистом вдохнул ледяной воздух и поднял голову.

Бар «100 рентген». Тот же тусклый, дрожащий свет, тот же слоистый сизый дым, те же сталкеры за соседними столами, занятые своими разговорами. Всё точно так же, как и... как и когда? Когда это было? Минуту? Час? Вечность? Жизнь назад? Я помнил каждую деталь. Каждую гребаную, мельчайшую деталь ее смерти. Я чувствовал запах ее крови у себя на лице.

— Артём, ты уверен? — раздался напротив знакомый, чуть дрожащий, мелодичный голос.

Я перевел взгляд и почувствовал, как вся кровь разом отхлынула от моего лица, прилила к ногам, а конечности стали ледяными и ватными. Напротив меня, нервно помешивая ложечкой остывший кофе, сидела Анна. Живая. Целая. Абсолютно невредимая. В том же мешковатом, нелепом комбинезоне, с тем же испуганно-восторженным блеском в огромных серых глазах. Ее светлые волосы, собранные в тугой хвост, были девственно чисты. Ни запекшейся крови. Ни следов ужаса. Ничего. Она была здесь, передо мной, живая и теплая, и задавала тот самый, чертов вопрос, с которого всё началось. Вернее, которым всё закончилось.

— ...Синоптики передавали, что сегодня ветер северный, может пойти Выброс, — закончила она свою фразу точно теми же словами, с той же вопросительной интонацией, что и в первый раз.

Я не мог дышать. Я смотрел на нее, и перед моими глазами стояла другая, ужасающая картинка. Как она взмывает в воздух, как хрустят её кости, как брызги её крови летят мне в лицо. Тошнота подкатила к горлу. Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог выдавить ни звука. Горло перехватило спазмом. Я посмотрел на свои руки. Они дрожали. Мелкой, про-

тивной дрожью. Я всё чувствовал. Запах ее смерти всё еще стоял у меня в носу, перебивая вонь барной кухни. Я помнил каждую деталь. Каждую гребаную деталь. Шрам на асфальте, радужную пленку, звук хруста.

— Эй, Артём? Ты чего? Ты бледный, как поганка! — Аня нахмурилась, и в ее глазах появилась искренняя, живая тревога. Живая тревога живого человека. — Эй, ты меня слышишь? Что с тобой? Ты как привидение увидел.

Я с трудом, словно преодолевая сопротивление воды, сфокусировал на ней взгляд. Мой мозг отказывался принимать реальность, отторгал её, как отторгает организм чужеродный имплант. Это был не сон. Сны не пахнут смертью, не оставляют такого детального послевкусия. Это была не галлюцинация, вызванная ударом. Я был в здравом уме. Вернее, был в здравом уме секунду назад, а сейчас я сижу в баре «100 рентген» утром того же дня, и передо мной сидит женщина, которую я только что убил своей беспечностью. Женщина, которая снова, с невинным видом, задает мне вопросы о погоде. Время пошло вспять. Или я сошел с ума.

Я медленно, как во сне, как в глубоководном погружении, поднес трясущуюся руку к груди. Сквозь грубую, пыльную ткань комбинезона я чувствовал тепло. Оно исходило из нагрудного кармана. Артефакт. «Сердце Зоны». Он был на месте и был спокоен, излучая ровное, едва уловимое тепло удовлетворенного хищника. Он ждал. Что, черт возьми, это значит? Я отмотал время? Это невозможно. Это противоречит всем законам. Но, боже мой, какое острое, пронзительное, болезненное облегчение... она жива. Она, мать твою, жива и сидит передо мной!

Я поднял глаза на Анну. Она все еще смотрела на меня с беспокойством, ожидая ответа, покусывая губу. Я знал, что будет дальше. Знал каждую секунду предстоящего дня. Знал маршрут до «Трамплина», знал свои самодовольные речи, знал роковую, залитую ржавой водой выбоину с радужной пленкой. Я знал, как она умрет. Я видел это. Я пережил это. И я — единственный, кто может это изменить.

— Артём? — тихо, почти шепотом позвала она, видимо, испугавшись моего затянувшегося молчания и стеклянного взгляда.

Я медленно, очень медленно убрал руку с груди, чувствуя, как жар артефакта угасает, впитывается в кожу. Я взял со стола кружку с нетронутым, ледяным кофе и осушил ее залпом, чувствуя, как обжигающе-горькая жидкость стекает в мое сжавшееся от леденящего душу ужаса нутро. Горький вкус привел меня в чувство, вернул в реальность. Я с грохотом поставил кружку на стол и впервые за эту долгую минуту смог посмотреть Анне прямо в глаза. Во взгляде моем больше не было ни былой удачи, ни самодовольства, ни юношеской бравады. Только холодный, липкий страх перед будущим и что-то еще, чему я пока не мог подобрать названия. Что-то тяжелое и темное. Обреченность. Понимание того, что это — не конец. Это — только начало.

— Ветер, говоришь... — прошептал я, глядя на ее живые, ясные, непонимающие глаза. — Знаешь, Аня... давай-ка мы сегодня никуда не пойдем. Совсем никуда не пойдем.

Конец бесплатного фрагмента

Глава 2. Чужой среди своих

В баре повисла неловкая, густая, как остывающий кисель, тишина. Она была настолько плотной и осязаемой, настолько тяжелой, что, казалось, ее можно было резать тупым ножом, ломать на куски и намазывать на заплесневелый хлеб, который подавали здесь к пиву. Она заполнила собой всё пространство — от липкой, залитой дешевым пойлом столешницы до закопченного потолка, с которого свисали самодельные светильники, собранные из гильз от крупнокалиберных пулеметов. Воздух, и без того спертый, прокуренный сотнями сталкеров до состояния ядовитого смога, казалось, сгустился в монолит, застыл, превратился в янтарь, в котором, словно доисторические насекомые, застыли наши фигуры. Мои слова — «давай-ка мы сегодня никуда не пойдем» — повисли в этом воздухе, словно неотвратимый приговор, зачитанный глухим, бездушным голосом. Я почти физически ощущал их вес, их шершавую, царапающую фактуру. Они дрожали в пространстве, как гитарная струна, которую дернули и оставили затихать в абсолютной пустоте.

Я видел, как медленно, неумолимо, словно под воздействием кислоты, менялось лицо Анны. Этот процесс был мучительным и завораживающим одновременно. Сначала — непонимание. Легкое, почти забавное, как если бы я сказал, что умею летать или разговаривать с мутантами. Оно смешивалось с крохотной искоркой надежды на то, что я просто неудачно пошутил, что это одна из тех мрачных сталкерских шуток, которые она слышала здесь постоянно. Ее губы даже начали растягиваться в неуверенной, вопросительной улыбке, обнажая ровные белые зубы, которые здесь, в мире гнилых зубов и цинги, казались чужеродным элементом. Затем — недоумение, которое тонкой, едва заметной трещиной пробежало по ее гладкому лбу, пересекло переносицу и залегло в уголках глаз. Улыбка угасла, так и не родившись, сменившись гримасой, которую я не мог расшифровать. И наконец — разочарование. Глубокое, искреннее, почти детское, идущее откуда-то из самых незащищенных глубин души, от которого у меня защемило где-то под ложечкой, а к горлу подступил горький, желчный комок. Она откинулась на спинку расшатанного, нещадно скрипящего стула, скрестила руки на груди с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и ее серые глаза, которые еще минуту назад сияли азартом исследователя, готового открыть новый вид, потускнели, словно небо перед Выбросом, затянутое свинцовыми тучами, готовыми разродиться не дождем, а самой смертью. В них больше не было огня. В них поселилась холодная, колючая пустота.

— В смысле — никуда не пойдем? — переспросила она, и в ее голосе зазвенели металлические, хорошо знакомые мне нотки обиды, смешанной с презрением. Так звучит голос человека, который уже понял, что его предали, но еще дает предателю шанс оправдаться. — Артём, ты всю неделю готовил меня к этому выходу. Ты расписывал Полянный завод в таких красках, с таким смаком, что я уже видела его во сне. Каждую ночь. Я видела эти цеха, эти ржавые станки, этот легендарный призрак рабочего в промасленной робе, о котором ты рассказывал. Ты обещал мне эксклюзив, историю, которая взорвет медиа-пространство, которая заставит всех этих сытых экспертов из студий подавиться своим кофе. Я рискнула жизнью, приехав сюда. Я пересекла границу. Я заплатила состояние проводнику, который смотрел на меня как на ходячий труп и в итоге бросил у блокпоста, посоветовав напоследок не снимать нижнее белье — его, мол, проще опознать. Я доверилась тебе, Артём. Отдала тебе свою жизнь в руки, как отдают хрупкую стеклянную безделушку. И теперь, когда мы уже собрались, когда всё готово, ты говоришь «не пойдем»? Что случилось? Ты боишься Выброса? Так переждем его где-нибудь в укрытии, в подвале, я не против. Я ко многому готова, но не к тому, чтобы меня просто так, без объяснений, выкинули из игры.

Что я мог ей ответить? Как облечь в слова то, что не укладывалось в рамки человеческого языка? Что я уже видел, как она умирает — дважды, и оба раза по моей вине? Что я

слышал, как ее кости хрустят под невидимым гравитационным прессом, ломаясь с влажным, тошнотворным звуком, а ее кровь, горячая и липкая, обжигает мне лицо, заливает глаза, мешая видеть? Что я слышал, как шальная пуля, выпущенная нервным мальчишкой, с чавканьем входит в ее тело, разрывая внутренние органы? Что я, черт возьми, случайно, по какой-то нелепой, непостижимой прихоти Зоны, отмотал время вспять с помощью непонятного артефакта, который пульсирует у меня на груди, словно второе, злое, насмехающееся надо мной сердце? Артефакта, природу которого я не понимаю, силы которого я боюсь, и последствия использования которого пугают меня до мокрых штанов больше, чем любой мутант. Она бы pokrутила пальцем у виска, унизанного серебряными кольцами, рассмеялась бы нервным, срывающимся в истерику смехом и, скорее всего, ушла бы искать другого проводника. Того, кто не страдает галлюцинациями и не напивается до белой горячки перед выходом. Или, что было гораздо хуже, что не давало мне покоя и скребло когтями где-то в затылке, — она решила бы, что я просто трусился, перепил коньяка для храбрости и растерял остатки своей легендарной репутации, и отправилась бы на завод одна, навстречу своей гарантированной гибели. А Зона одиночек не жалуется. Зона их не убивает быстро и милосердно. Зона их пожирает с особым цинизмом, медленно, смакуя каждую секунду их страха и отчаяния, оставляя после себя лишь обглоданные кости и недописанные дневники.

Я смотрел на нее, застывшую в напряженной позе, и лихорадочно соображал, что делать. Мой мозг, все еще не оправившийся от шока пережитого, от этого запредельного опыта умирания и возрождения, работал с перебоями, как старый движок на морозе, который пытаются завести, заливая в карбюратор последние капли бензина. Мысли скакали, обрывались, путались в огромный, колющий клубок. Я помнил каждую секунду предыдущей реальности, каждый свой шаг, каждое слово, приведшее к катастрофе. Память была неестественно яркой, гипертрофированной, как будто кто-то в моей голове включил свет на полную мощность. Я мог вызвать в воображении узор трещин на той самой, сорок третьей шпале, мог услышать эхо того одинокого выстрела, разорвавшего тишину болот, мог почувствовать запах пороха и крови, смешавшийся в один тошнотворный букет. Я знал, что если я сейчас отступлю, если я позволю своему животному страху взять верх, если я спрячусь в этом баре и запью свое горе дешевым пойлом «Казачки», пытаясь убедить себя, что так будет лучше, она все равно найдет способ попасть на завод. Это было в ее натуре — идти до конца, невзирая на препятствия. Этот упрямый изгиб подбородка, этот лихорадочный блеск в глазах — я видел это раньше у людей, которые не умеют сдаваться. Такие люди опасны в первую очередь для самих себя. И тогда она умрет уже без меня. Умрет где-то там, в одиночестве, и я не смогу ее спасти. И даже если я снова откачусь назад, этот груз — знание, что я бросил ее, — останется со мной навсегда, разъедающая душу хуже радиации.

А если я снова поведу ее через «Трамплин», то просто повторю ту же ошибку. Я слишком самоуверен для этого маршрута. Слишком расслаблен. Слишком привык, что мне всё сходит с рук. Десять лет в Зоне притупили мой страх, превратили его в рутину, а это здесь смерти подобно. Даже зная о «комарином плеше» — этой микроскопической, почти незаметной гравитационной ловушке, которую я запомнил всем своим нутром, — я могу не заметить другой аномалии, чуть сместившейся за ночь. Их там десятки, этих невидимых убийц, разбросанных щедрой, насмешливой рукой Зоны, словно крошки хлеба для стаи голодных голубей. Новые «воронки», «карусели», «трамплины»-близнецы, которые появляются из ниоткуда и исчезают в никуда. Нет, «Трамплин» — это билет в один конец, и я не имею права компостировать его для нее.

И тут меня осенило. Словно кто-то зажег свет в темной комнате, разогнав липкий, парализующий ужас. Болота. Да, Болотный разлом! Забытый, грязный, гиблый, проклятый всеми сталкерами путь через северо-восточные топи, в обход основного периметра завода. Я знал о нем от старого сталкера по кличке Крот — сморщенного, как печеное яблоко, деда с вечно сле-

зашагивая глазами, который, прежде чем бесследно сгинуть в неизвестном направлении (поговаривали, что он пошел на север, искать легендарный «Монолит», но я в эти сказки не верил), любил потчевать молодежь байками за кружкой разбавленного пива. Он сидел в этом же самом баре, ровно на том же месте, где сейчас сидит Анна, стучал костяшками пальцев по столу и рассказывал о своих похождениях. Он говорил, что там, где кончаются разливы кислотных дождей, выжигающих все живое на своем пути, и начинаются камышовые заросли высотой в человеческий рост, острые, как лезвия, шуршащие на ветру свои мертвые песни, есть старая, еще довоенная насыпь. Узкоколейка, которая вела к заднему, грузовому терминалу Полянного завода. Путь длиннее, грязнее, но, как он клялся, слюной разбрызгивая по столу, безопаснее. Никаких «Трамплинов», никаких гравитационных ловушек. Только плесень, радиация, редкие мутанты и вездесущая, отвратительная, засасывающая в свои холодные, бездонные объятия топь. С этим я справлюсь. С этим я справлялся уже десятки раз. Да, это займет больше времени, мы вымокнем до нитки, будем вонять болотной гнилью так, что от нас будут шараться даже слепые псы, но я буду контролировать ситуацию. Я буду знать каждый свой шаг. Я больше никому не позволю стрелять в нее.

— Аня, послушай, — я заговорил, стараясь придать голосу уверенности, которой на самом деле не чувствовал. Он предательски дрогнул на первом слоге, как у подростка во время ломки голоса. Я прокашлялся, пытаюсь вернуть себе контроль над собственными связками. — Я не боюсь Выброса. Просто... у меня было плохое предчувствие насчет «Трамплина». Очень плохое. Понимаешь, у сталкеров иногда бывает чутье. Его нельзя объяснить логически, нельзя пощупать или измерить дозиметром, но к нему стоит прислушиваться, если хочешь дожить до седых волос. Это как шестое чувство, которое вырабатывается годами. Я не хочу рисковать твоей жизнью на этом маршруте.

— Чутье? — она нахмурилась, и в ее глазах промелькнуло что-то похожее на жалость, смешанную с глубочайшим недоверием. — Артём, ты же сам говорил, что «Трамплин» — твой личный, проверенный путь. Ты хвастался, что знаешь его как свои пять пальцев, что можешь пройти по нему с завязанными глазами, что это твоя коронная тропа. И теперь ты хочешь сказать, что твое мифическое «чутье» перечеркивает всё это? Звучит не очень убедительно, знаешь ли. Звучит как дешевая отговорка.

— Говорил. И это правда, — я почувствовал, как внутри закипает раздражение. Она была слишком умна, слишком проницательна. С ней нельзя было просто так отделаться дежурной байкой. — Но сегодня что-то не так. Что-то изменилось. Не могу объяснить, — я лихорадочно подбираю слова, чувствуя, как артефакт на груди слегка нагрелся, словно подбадривая меня в моем вранье или, наоборот, предостерегая от неосторожных фраз. — Я знаю другой путь. Через Болотный разлом. Он длиннее, он грязнее, мы будем месить грязь по колено и молиться, чтобы не встретить болотного кровососа, но он безопаснее. Мы выйдем к заводу с тыла, к грузовым ангарами. Там нет основных патрулей, нет чужих глаз. Это даже интереснее для твоего репортажа. Ты увидишь то, чего не видел ни один журналист — настоящую, первозданную, дикую Зону, не тронутую сталкерскими тропами. Зону, которая дышит и живет по своим законам.

В ее глазах мелькнул хорошо знакомый мне огонек охотничьего азарта. Слово «эксклюзив» было для нее как наркотик, как доза «винта» для закоренелого наркомана. Она колебалась, я видел это по тому, как она покусывала нижнюю губу, как ее пальцы нервно отбивали дробь по столешнице. С одной стороны, ее пугала смена планов в последнюю минуту, пугала перспектива лезть в какие-то гиблые топи. С другой — ей хотелось верить мне, хотелось получить свою историю, свой репортаж, который обессмертит ее имя. Кроме того, в ее глазах я все еще был тем героем, что спас ее от своры слепых псов у блокпоста, разметав их одной длинной очередью, и это давало мне огромный, но пока еще не растраченный кредит доверия.

Она хотела видеть во мне рыцаря в сияющих доспехах, а не уставшего циника с дрожащими руками. Пока еще хотела.

— Ладно, — наконец выдохнула она, и я почувствовал, как с моих плеч свалилась невидимая бетонная плита весом в несколько тонн, позволив легким, наконец, нормально расправиться. — Идем через болота. Но, Артём, предупреждаю сразу и четко: если ты заведешь меня в какую-нибудь трясицу, если я по твоей милости утону в этом вонючем месиве, я тебе этого не прощу. Даже с того света. Я тебя и там найду.

Я криво усмехнулся, чувствуя, как непроизвольно дергается уголок рта. Если бы она только знала, насколько буквально, насколько жутко и пророчески сейчас прозвучали ее слова. Она уже грозила мне с того света, просто не помнила об этом. И только я носил в себе память о ее смерти, как носят в себе осколок, который хирурги побоялись доставать.

Мы собрались быстро, почти не разговаривая, в странном, гнетущем молчании, которое было хуже любой ругани. Я проверял снаряжение с параноидальной тщательностью, граничащей с безумием, которой раньше за собой не замечал. Пересчитал магазины к автомату, выщелкивая каждый патрон и проверяя его на предмет деформации. Трижды проверил крепление ножа на поясе, ощупал каждую застежку, каждый ремешок на своем поношенном, но все еще крепком бронекомбинезоне. Запасной фильтр для противогаза — на месте. Детектор аномалий «Сварог» — мигает зеленым, заряжен. Артефакты в контейнерах — не фонит. В прошлый раз я был беспечен, словно турист на пикнике, собравшийся на прогулку за город. Теперь каждая мелочь казалась мне вопросом жизни и смерти. Собственно, так оно и было. Я готовился к бою, к маленькой войне, которую собирался объявить самой судьбе. Анна наблюдала за мной с растущим недоумением, но ничего не говорила, лишь изредка хмурилась, видя, как я по третьему кругу перебираю аптечку. Она молча натянула свой легкий комбинезон, застегнула легкий, почти игрушечный бронежилет, который я ей выдал со словами «от пистолета еще остановит, от винтовки — увы», и повесила на плечо небольшую сумку с фотоаппаратом и диктофоном. В ее движениях появилась скованность, которой не было раньше. Моя нервозность была заразна.

Когда мы вышли из бара, утро уже полностью вступило в свои права, хотя «права» в Зоне — понятие весьма относительное. Солнце так и не пробилось сквозь вечную пелену облаков, этого серого, непроницаемого савана, накрывшего землю, но серый свет стал ярче, резче, контрастнее, обнажая каждую деталь окружающего пейзажа с беспощадностью старого, выцветшего фотоснимка. Мы двинулись на северо-восток, прочь от проторенных троп, исчерченных следами сотен сталкеров, в сторону Болотного разлома. Я шел первым, постоянно оглядываясь через плечо, сканируя пространство взглядом, который, как я чувствовал всем своим существом, стал острее и злее. Я всматривался в каждую лужу, в каждый подозрительный куст, в каждый клочок предательски колеблющегося тумана. Моя нервозность, мое лихорадочное состояние передавались Анне, как вирус по воздуху. Она спотыкалась на ровном месте, нервно оглядывалась по сторонам, вздрагивая от каждого шороха, и все чаще бросала на меня косые, изучающие, полные немых вопросов взгляды.

— Ты какой-то... другой сегодня, — сказала она, когда мы проходили мимо полуразрушенной водонапорной башни, служившей ориентиром для многих поколений сталкеров. Ее голос звучал тихо, почти приглушенно, словно она боялась, что нас может кто-то подслушать. — Ты напряжен, как натянутая струна, которая вот-вот лопнет. И ты постоянно смотришь под ноги так, словно ждешь, что земля в любую секунду разверзнется и оттуда вылезет сам черт с копытами. Ты стал дерганным, резким. Ты даже дышишь по-другому.

— Осторожность никогда не бывает лишней, — буркнул я, не оборачиваясь, продолжая вглядываться в серую мглу впереди. — Зона ошибок не прощает. Ни одной. Ты можешь ошибаться сотни раз на Большой земле, здесь — только раз. Я уже... — я осекся, прикусив язык, чуть не проболтавшись. Чуть не сказал «я уже убедился в этом на собственной шкуре, заплатив самой высокой ценой из возможных».

— Ты уже — что? — она моментально уцепилась за мою оговорку, как репей за штанину, как голодный пес за кость. В ее голосе прорезалась та цепкая журналистская хватка, которая, видимо, и позволила ей добиться успеха в своей профессии.

— Ничего. Просто будь внимательнее. И держись ближе ко мне. Не отставай ни на шаг. Если я говорю «стой» — ты замираешь. Без вопросов.

Через час пути ландшафт начал меняться, и перемены эти были далеко не в лучшую сторону. Сухие, потрескавшиеся, словно кожа мумии, почвы Кордона сменились влажной, чавкающей под ногами жирной грязью, которая норовила стащить с ног сапоги. Воздух стал тяжелым, спертым, пропитанным тошнотворным запахом гнили, разложения и болотного метана. Мы входили в зону болот, и сама атмосфера, казалось, пыталась нас задушить в своих липких объятиях. Я остановился на небольшом, чудом сохранившемся пригорке, поднял руку, приказывая Анне замереть, и достал ПДА. Экран тускло светился в сером сумраке. Я сверился с картой, которую залил мне когда-то Крот. Старый маразматик был прав — старая узкоколейка должна была проходить где-то здесь, в двухстах метрах к востоку. Я напряг зрение до боли в глазах и действительно различил в колышущемся, словно живом, тумане темную полосу — насыпь, заросшую диким кустарником, ржавым камышом и какими-то ядовито-зелеными мхами. Путь был открыт. Трудный, опасный, отвратительный, но открыт.

— Видишь ту насыпь? — я указал рукой, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. — Там старая железная дорога. По ней мы дойдем почти до самого завода. Главное — не сходить с полотна, что бы ни случилось. По обе стороны от рельсов — трясина. Глубокая, бездонная, голодная. Если провалишься, я могу не успеть тебя вытащить, даже если очень захочу. И умирать ты будешь долго и мучительно.

Анна прищурилась, напряженно всматриваясь в густой, словно молочный кисель, туман, и медленно, неуверенно кивнула. Мне показалось, или в ее взгляде мелькнула тень первобытного, животного страха? Нет, не страха перед болотами, не боязни утонуть в трясине или быть съеденной мутантом. Это был другой, глубинный страх. Страх передо мной. Я чувствовал это всеми фибрами души. Мое поведение, моя дерганая нервозность, мое внезапное, шокирующее знание каких-то скрытых опасностей — все это пугало ее гораздо больше, чем любые мутанты и аномалии. Она начинала подозревать, что я что-то скрываю. Какую-то страшную, темную тайну. И, черт побери, она была права. Я скрывал. Но не то, что она, скорее всего, думала. Она, судя по всему, подозревала самое худшее, что приходит в голову в Зоне: что я веду ее к какому-то темному дельцу, что я хочу продать ее бандитам, сдать в рабство наемникам или использовать как наживку для добычи ценного артефакта, каких-нибудь «Золотых рыбок». Такие истории были, увы, не редкостью в Зоне, они были ее обыденностью, и она, как журналист, криминалист по сути своей работы, наверняка их знала. Мысль о том, что я могу быть предателем, иудиним отродьем, наверняка уже зародилась в ее голове и пускала там ядовитые корни, и от этого мне становилось тошно физически. Но я не мог ничего объяснить. Просто не мог раскрыть рта и вывалить все это безумие.

Мы двинулись по насыпи. Идти было не просто трудно — это было настоящее испытание на прочность. Рельсы давно проржавели, покорежились и местами ушли в землю, превратившись в бурые гнилые полосы. Шпалы сгнили и крошились под ногами в труху, источая запах плесени, креозота и старого мазута. Воздух звенел от напряжения. По обе стороны от нас простиралось бескрайнее, уходящее за горизонт море камыша, над которым висел плотный, почти осязаемый туман. В этом тумане что-то постоянно двигалось, шуршало, чавкало, издавало низкие, утробные звуки, и каждый такой звук эхом отдавался у меня в висках, заставляя сердце пропускать удар. Я сжимал автомат до боли в побелевших пальцах, ожидая нападения с любой стороны. Несколько раз вдалеке, на границе видимости, я замечал какие-то темные, скользящие над водой, зыбкие силуэты, но они не приближались, предпочитая держаться на расстоянии. Зона сегодня была на удивление спокойна, почти подозрительно тиха. И это спо-

койствие, эта мертвая, звенящая тишина пугали меня в сто раз больше, чем самый яростный рев химеры. Зона готовилась к прыжку, и я не знал, когда и откуда он последует.

Спустя три часа изнурительного марша по болотам, показавшихся мне вечностью, мы достигли небольшого островка твердой земли, заросшего чахлыми, искривленными артритными пальцами деревьев, которые как будто застыли в безмолвном крике. Это было идеальное место для привала. Я объявил остановку, и Анна, вымотанная до предела, буквально рухнула на трухлявый, покрытый мхом пенек, вытянув гудящие, налитые свинцом ноги. Ее лицо осунулось, под глазами залегли глубокие, почти черные тени, но она держалась. Держалась на удивление стойко, не жалуясь, не ноя, и это вызывало у меня невольное, смешанное с чувством вины уважение. Я достал из рюкзака флягу с водой, фильтрованной через «Глаз», и сухой паек — полоску вяленого мяса, твердого, как подошва, и кусок черствого, каменного хлеба. Мы ели молча, не глядя друг на друга. Напряжение между нами росло с каждой минутой, густело, словно нарыв, который вот-вот прорвется гноем.

— Артём, — вдруг произнесла она, и ее голос прозвучал непривычно жестко, стально. Она отложила недоеденный кусок хлеба в сторону и посмотрела на меня в упор, долгим, пронизывающим взглядом. — Я хочу задать тебе прямой вопрос. Только честно. Без твоих сталкерских уловок и баек о «чутье».

Я напрягся. Внутренне сжался в тугую, пружинистый комочек, предчувствуя, что сейчас будет. Артефакт на груди слегка завибрировал, словно предупреждая, словно вторя моему внутреннему напряжению.

— Задавай, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри у меня все ходило ходуном.

— Почему ты сменил маршрут? — она подалась вперед, и ее глаза превратились в две узкие, изучающие, безжалостные щели. — Только не надо мне снова говорить про сталкерское чутье. Я не дура, Артём. Я не восторженная девочка, которая верит в сказки. Я видела, как ты проверял снаряжение. Ты делал это как человек, который точно знает, что случится что-то плохое. Как солдат перед боем, знающий план врага. Ты предугадывал каждый мой шаг, ты шел так, словно уже проходил этот путь раньше. Ты знал, где будет та глубокая яма с водой, и помог мне обойти ее, хотя сам туда не заглядывал. Ты знал, где лежит поваленное дерево, и сказал мне перешагнуть его, а не обходить, потому что в грязи рядом была «воронка». Ты знал, что на сорок третьей шпале будет трещина, и велел мне идти осторожнее. Ты не мог этого знать, если бы не ходил здесь раньше. Но ты мне сказал, что никогда не ходил через болота. Так в чем дело? Куда ты меня ведешь на самом деле, черт возьми?

Ее слова падали, как тяжелые, отшлифованные камни, и каждый из них бил прямо в цель, в самое сердце моего вранья. Она была наблюдательна. Слишком наблюдательна для своего же блага. Я действительно шел так, словно знал дорогу наизусть. Потому что я ее знал. Я помнил карту, которую видел у Крота много месяцев назад, когда он, изрядно набравшись, хвастался своими тайными тропами. Я помнил ее с неестественной, фотографической четкостью, которой раньше за собой не замечал. Видимо, откат времени не прошел бесследно для моего мозга. Он обострил мои чувства, мою память, вскрыл какие-то скрытые резервы, о которых я не подозревал. Но объяснить это ей я не мог. Любое мое объяснение прозвучало бы либо как бред сумасшедшего, записавшегося в пророки, либо как признание в сговоре с врагами.

— Аня, я... — я запнулся, ненавидя себя за эту беспомощность. — Я действительно не ходил здесь раньше. Но я смотрел карты. Я консультировался с одним старым сталкером, Кротом. Он рассказывал мне о каждой детали этого маршрута. Я просто следую его указаниям.

— Карты? — она горько усмехнулась, и в этой усмешке было больше яда, чем в любом артефакте. — Карты Зоны устаревают за неделю. Тут каждый день что-то меняется, ты сам мне это говорил. Ты не мог знать о трещине в шпале по картам. Эта шпала могла сгнить вчера. Ты врешь, Артём. Грязно и неумело врешь. Ты что-то скрываешь. И это что-то мне очень

не нравится. Я начинаю жалеть, что пошла с тобой. Начинаю жалеть, что доверилась тебе. Я думала, ты другой.

Я открыл рот, чтобы ответить, чтобы попытаться хоть как-то сгладить ситуацию, придумать более правдоподобную ложь, спасти наши хрупкие, рушащиеся на глазах отношения, но не успел. Потому что в этот самый момент из камышей, окружавших наш островок, послышался отчетливый металлический лязг затворов, и грубый, усиленный мегафоном голос разрезал тишину, словно хорошо заточенный нож вспарывает гнилую ткань:

— Внимание! Говорит патруль группировки «Долг»! Вы находитесь на закрытой, охраняемой территории! Бросайте оружие на землю и поднимите руки вверх! Медленно и без резких движений! Любая попытка к сопротивлению, любое неверное движение будет караться смертью на месте!

Мое сердце рухнуло вниз, в желудок, в пятки, провалилось куда-то в самую болотную жижу, в ад. Я медленно, очень медленно, словно преодолевая сопротивление воды, повернул голову и увидел, как из тумана, словно бесплотные призраки, проступают фигуры в тяжелой черно-красной броне. Их было много, не меньше десятка, а может, и больше. Они окружали нас со всех сторон, грамотно, профессионально, отрезая все пути к отступлению, все лазейки, запирая нас в идеальную, безвыходную ловушку. Дула автоматов, черные и бездонные, как сама смерть, смотрели прямо на нас. Я узнал эту экипировку, эту символику. «Долг». Фанатики порядка, убежденные в том, что Зона — это чума, болезнь, которую нужно выжечь каленым железом и залить свинцом, а все артефакты, мутанты и аномалии подлежат тотальному и безжалостному уничтожению. Они не славилась гостеприимством к чужакам, особенно к тем, кто нагло вторгнулся на их патрульные территории. А мы, судя по всему, вторглись. Глубоко, очень глубоко влезли в их владения, далеко от общепринятых маршрутов, в самое сердце их секретных тылов.

— Артём, что происходит?! — прошептала Анна, и ее лицо побелело от ужаса, став бледнее, чем болотный туман вокруг. Она инстинктивно прижалась ко мне всем телом, забыв все свои подозрения. Страх перед лицом общей, реальной, осязаемой угрозы на мгновение объединил нас, сделал снова теми, кем мы были в начале — просто напарниками.

— Делай, что они говорят, — так же шепотом, едва разжимая губы, ответил я, медленно кладя свой верный «Винторез» на влажную, холодную землю. — Медленно. Очень, очень медленно. Не делай резких движений. Это «Долг». Они стреляют без предупреждения, без раздумий. Это у них в уставе.

Я положил автомат на чавкнувшую землю и медленно, как в кошмарном сне, выпрямился, подняв руки вверх, демонстрируя пустые ладони. Анна, дрожа всем телом, последовала моему примеру, хотя я видел, как ей страшно, как ей хочется закричать. Из строя долговцев вышел высокий, плечистый боец с нашивками сержанта. Его лицо было полностью скрыто под глухим шлемом с тонированным, зеркальным забралом, но по тому, как он двигался, как держал оружие, как он чувствовал пространство вокруг себя, было видно, что это профессионал высочайшего класса, прошедший не один десяток боев и повидавший все круги здешнего ада. Он подошел ко мне вплотную, и я почувствовал тяжелый запах оружейного масла, разогретого металла и старой крови, исходивший от его брони.

— Кто такие? — рявкнул он, и его голос прозвучал глухо, безжизненно из-под шлема. — Позывные? Принадлежность к группировке? Цель нахождения в запретном секторе семь-четыре? Отвечать быстро и по делу!

— Сталкер Артём, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно, что давалось мне с огромным трудом. — Одиночка, не принадлежу ни к одной группировке. Это Анна, журналистка, гражданская. Мы идем к Полянному заводу. У нас нет намерений нарушать границы «Долга». Мы не знали, что это ваша территория.

— Одиночка, значит? — сержант хмыкнул, и в этом коротком, презрительном хмыканье прозвучало такое откровенное недоверие, что у меня по спине пробежал холодок. — А чего тогда ты идешь по тропе, которую знают только разведчики «Свободы»? Уж не от них ли ты узнал про узкоколейку? Не ты ли выполняешь их разведздание?

Внутри у меня все похолодело, кровь отхлынула от лица. Так вот в чем дело. Старая насыпь была тайной, секретной тропой «Свободы» — извечных, непримиримых врагов «Долга». Крот, старый пьяный лис, поди, и сам когда-то был связан со «Свободой», либо купил у них эту информацию за бесценок. А теперь я, чужак на их суверенной территории, иду по вражеской тропе, демонстрируя знание местности, доступное лишь разведчикам противника. Идеальная, стопроцентная мишень. Идеальный повод для расстрела без суда и следствия.

— Я не имею отношения к «Свободе», — произнес я, глядя прямо в темное, как омут, забрало шлема. — Я узнал об этом пути от старого сталкера по кличке Крот. Он был одиночкой, не состоял ни в каких кланах.

— Крот? — сержант на мгновение замер, переваривая информацию. Я слышал, как внутри шлема что-то щелкнуло — видимо, он переключил канал связи. — Крота убили два месяца назад. При попытке проникновения на наш склад боеприпасов. Очень удобно ссылаться на мертвеца.

Он повернулся к своим бойцам, стоящим в полной боевой готовности, и отдал короткий, чеканный приказ, не терпящий возражений:

— Обыскать обоих. Тщательно, до нитки. Проверить снаряжение, оружие, документы. Докладывать мне о любой подозрительной находке.

Двое должовцев приблизились к нам. Один из них, молодой парень с открытым, еще не заглубевшим лицом, начал обыскивать меня, в то время как второй, постарше, с уродливым глубоким шрамом через всю левую щеку, делавшим его похожим на персонажа из фильма ужасов, занялся Анной. Я чувствовал, как холодный, липкий пот градом стекает по моей спине, пропитывая подкладку бронежилета. Если они найдут артефакт... Если они увидят «Сердце Зоны»... Эта вещь была уникальна, она не значилась ни в одном каталоге, ни в одной базе данных, и ее происхождение было, мягко говоря, туманным до полной черноты. Долговцы могли просто конфисковать ее как незарегистрированный артефакт, представляющий опасность, или, что гораздо хуже, обвинить меня в использовании запрещенных технологий, в связях с учеными, в шпионаже. А если они попытаются ее забрать, оторвать от моего тела... Я не знал, что будет, если «Сердце» разлучить со мной. Возможно, временная петля разорвется с катастрофическими последствиями. Возможно, я умру на месте. Возможно, умру навсегда, без всякого шанса на откат. Эта мысль парализовала меня сильнее любого страха.

— Руки держи так, не двигайся, не дергайся, — буркнул молодой должовец, методично ощупывая мои карманы. Его пальцы прошли по поясу, по нагрудным клапанам, по разгрузке, и неизбежно, неумолимо приблизились к тому месту, где под тканью комбинезона пульсировало ровное, теплое биение. Я замер, затаив дыхание, стараясь не дать своему сердцу выпрыгнуть из груди. Еще мгновение — и он почувствует его. Его пальцы наткнутся на твердый край. И тогда...

Но в этот самый момент раздался крик. Пронзительный, отчаянный крик Анны. Второй должовец, тот, что со шрамом, слишком грубо, с нарочитой жестокостью сорвал с ее плеча сумку с фотоаппаратом. Лямка лопнула, сумка упала на землю, и из нее вывалился диктофон, покотившись по влажной траве к краю трясины. Анна, действуя чисто инстинктивно, повинуясь профессиональному рефлексу — там были все ее записи, все интервью, — рванулась вперед, чтобы поднять его. Ее движение было резким, неожиданным, абсолютно непредсказуемым для бойцов.

— Стоять! Стоять на месте! — заорал должовец со шрамом, вскидывая автомат. — Не двигаться, сука!

Молодой боец, обыскивавший меня, на долю секунды отвлекся на крик и суету. Его голова дернулась в сторону Анны, пальцы на мгновение оторвались от моей груди. И в этот же миг один из долговцев, стоявших в оцеплении — видимо, нервный новобранец, которого только вчера привели в отряд, с дрожащими, мокрыми от пота пальцами на спусковом крючке — не выдержал напряжения. Он увидел, как Анна делает резкое движение вперед, увидел, как его товарищ вскидывает оружие, и его палец рефлекторно, против воли, сжался на спуске. Банальный, классический случай паники.

Выстрел прозвучал как гром среди ясного неба. Оглушительный, одинокий, роковой, как глас труб Апокалипсиса.

Время снова замедлилось, словно сама реальность застыла в густом, вязком болотном киселе, словно кто-то схватил киноленту времени и заставил ее идти через проектор со скоростью кадра в минуту. Я видел, как пуля, выпущенная из автомата Калашникова, маленький, уродливый кусочек свинца, несущий в себе всю слепую, бессмысленную ярость этого мира, летит по идеальной дуге. Она летела не в меня. Она летела в Анну. Шальная, случайная, идиотская пуля, порожденная нервозностью, страхом и неопытностью. Она попала ей в бок, чуть ниже пластины бронежилета, в незащищенное, уязвимое место — туда, где под тонкой тканью комбинезона бьется жизнь. Я услышал глухой, влажный, ни с чем не сравнимый звук удара свинца о живую плоть. Увидел, как на сером комбинезоне Анны мгновенно расцветает огромное, алое, пульсирующее пятно, как ее тело неестественно изгибается от чудовищной боли и падает навзничь, опрокидывая трухлявый пенек, за которым она сидела минуту назад.

— Не-е-ет! — это был мой собственный крик, полный животного отчаяния и яростной, испепеляющей ненависти. Я рванул к ней, забыв об опасности, забыв о направленных на меня стволах, забыв обо всем на свете. Я упал на колени в холодную, липкую грязь, подхватывая ее обмякшее, ставшее вдруг таким легким тело. Ее лицо исказилось гримасой боли, из уголка рта потекла тонкая, блестящая струйка крови. Она пыталась что-то сказать, ее губы шевелились, словно выброшенная на берег рыба, но вместо слов вырывался только сиплый, прерывистый, булькающий хрип. Кровь текла сквозь мои пальцы, когда я попытался зажать рану, горячая, липкая, живая, неумолимо уходящая жизнь. Я чувствовал ее тепло, чувствовал, как она уходит, и ничего не мог сделать.

— Медик! Медика сюда, быстро! — орал сержант, пытаясь перекричать внезапно поднявшийся шум, но его голос доносился до меня словно сквозь толстый слой ваты. Вокруг началась суматоха, кто-то бежал, кто-то кричал, но все это было уже неважно. Я видел только ее глаза. Ее серые, испуганные глаза, которые постепенно теряли фокус, затягиваясь мутной, ледяной пленкой равнодушной смерти.

Я снова не смог ее уберечь. Я сменил маршрут, я избежал проклятого «Трамплина», я вел ее через гиблые болота, я был предельно осторожен и подозрителен как последний параноик, но смерть нашла ее и здесь. В лице нервного, испуганного мальчишки с автоматом. Смерть, как выяснилось, не привязана к конкретной луже или аномалии. Она — везде. Она растворена в самом воздухе Зоны. Она — в атомах, в молекулах, в самой сути этого проклятого места. Она — в людях.

Жар в груди стал невыносимым, разливаясь по венам жидким огнем. «Сердце Зоны» пульсировало, выжигая мое нутро, и багровый свет снова начал заполнять мое сознание, вытесняя реальность. Я знал, что сейчас произойдет. Я уже переживал это. И на этот раз я не сопротивлялся. Я сам хотел этого отката. Я требовал его. Я хотел вернуться и все исправить. Снова. И снова. И снова. Пока у меня не получится. Я найду способ. Я переломлю саму судьбу.

Мир схлопнулся в ослепительную точку. Боль. Тьма.

Я пришел в себя от запаха дешевого кофе и прокисшего пива. Бар «100 рентген». Снова. Все та же исцарапанная столешница. Все тот же сизый, слоистый дым. И Анна. Живая. Сидящая напротив и задающая свой сакраментальный вопрос про ветер и Выброс.

Но теперь я знал больше. Теперь я знал, что недостаточно просто знать Зону, недостаточно обходить ее ловушки и аномалии с ловкостью акробата. Зона — это не только гравитационные поля и радиоактивные пятна. Зона — это прежде всего люди. Глупые, нервные, подозрительные люди с оружием в дрожащих руках. Я знал карту, но я не знал политической карты. Я знал, где лежат аномалии, но я не знал, где проходят границы влияния враждующих группировок. Я был чужим среди своих. И чтобы спасти Анну, мне нужно было научиться не просто выживать. Мне нужно было научиться говорить. Убеждать. Договариваться. Или убивать первым. И я еще не решил, что из этого будет проще.

Я посмотрел на нее. На ее живые глаза. На ее губы, которые только что, в другой реальности, пытались прошептать последние слова. Слова, которые я так и не услышал.

— Артём, ты уверен? — спросила она в который раз.

— Нет, — ответил я, и мой голос прозвучал глухо и устало, как голос человека, который прожил тысячу жизней и умер тысячу раз. — Я ни в чем не уверен, Аня. Но у меня есть новый план. План, в котором мы пойдем не через «Трамплин» и не через болота. Мы пойдем через людей. Через «Долг». И для этого мне нужно кое-что тебе рассказать... Кое-что, во что ты вряд ли согласишься.

Глава 3. Мертвый груз

Бар «100 рентген» встретил меня в третий раз своим фирменным прокуренным уютom — тем самым, от которого мой желудок уже начинал скручивать в тугой узел тошноты. Запах вьелся в каждую пору этого места: смесь дешевого табака, кислого пота, пролитого на деревянные столы пива и едва уловимого металлического душка оружейной смазки. Этот запах стал для меня запахом бессилия. Я сидел за нашим столом — за тем самым, с выцарапанной кем-то на столешнице эмблемой группировки «Долг», — и смотрел на живую, ничего не подозревающую Анну, наблюдая, как она, слегка нахмурившись, помешивает ложечкой давно остывший растворимый кофе.

Внешне я был абсолютно спокоен, как замершая перед прыжком пантера, но внутри меня происходили поистине тектонические процессы. Что-то необратимо менялось в самой моей сути, в том глубинном фундаменте личности, который делает человека человеком. Что-то ломалось с хрустом перемалываемых костей, что-то мучительно перестраивалось, словно рана, затягивающаяся грубой рубцовой тканью, и закалялось до твердости той самой легендарной оружейной стали, из которой куют стволы «калашниковых». Две смерти. Две итерации, прожитые мной от начала и до горького, кровавого финала. Два жестоких, неумолимых урока, вбитых в мое сознание не абстрактными лекциями, а самой что ни на есть конкретной кровью и болью — её кровью и моей болью, которая с каждым разом становилась все глубже и невыносимее.

Первый урок, преподанный мне на раскаленном асфальте аномалии «Трамплин»: Зона не прощает беспечности. Она не делает скидок на молодость, на жажду приключений или на желание покрасоваться. Она просто берет свое — быстро, безжалостно, без предупреждения. Второй урок, усвоенный мной под серым небом болот, под аккомпанемент автоматной очереди мародеров: люди опаснее аномалий. Аномалия — это просто механизм, физический закон, лишенный злой воли. Человек же — это хаос, это жадность, это способность убивать себе подобных ради горсти патронов или места на карте. И теперь, глядя в ее ясные серые глаза, полные жизни, юношеского задора и исследовательского азарта, я с кристальной ясностью осознавал, что прежний Артём — молодой, самоуверенный балабол и позёр, желавший прежде всего произвести впечатление на красивую девушку из «большого мира», — он умер. Умер окончательно и бесповоротно. Его призрак остался лежать где-то там, на спекшемся асфальте, рядом с расплющенной в блин гайкой. Его тень растворилась в болотной грязи, смешавшись с гнилой водой и кровью. Теперь на его месте сидел я — холодный, отстраненный, просчитывающий будущее на несколько шагов вперед, словно шахматист, играющий партию с самой судьбой. И я больше не собирался спрашивать у судьбы разрешения. Я собирался действовать. Навязывать реальности свою волю, свой план, свою правду, какой бы жестокой она ни была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.